

ПЛЕНЁННЫЙ

ВЛАДИМИР

КИВИ

НАДЗИРАТЕЛЬ

Владимир Киви

Пленённый надзиратель

«Издательские решения»

Киви В.

Пленённый надзиратель / В. Киви — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-967957-4

Что связывает тридцатилетнего мужчину, завсегдатая бара на углу дома, и скрипачку на десять лет младше, выступающую на сценах мира? К большому сожалению Виктора, очнувшегося привязанным к стулу, с девушкой перед ним их объединяют вовсе не чувства, а работа. Та, в которой сведения вырывают щипцами. Когда руки пристёгнуты к подлокотникам, единственным спасением могут оказаться лишь собственные полузабытые воспоминания. Но можно ли на самом деле проложить дорогу к свободе сквозь собственную память?

ISBN 978-5-44-967957-4

© Киви В.

© Издательские решения

Содержание

I	6
II	8
III	10
IV	15
V	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Пленённый надзиратель

Владимир Киви

Дизайнер обложки Владимир Киви

© Владимир Киви, 2019

© Владимир Киви, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4496-7957-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I

Открыв глаза в полутьме подвального помещения, первой Виктору пришлось отметить важную, но неприятную деталь. Верить не хотелось, как и думать об этом малоподвижным мозгом, страдающим от последствий известных химикатов. Но беспокойный разум любезно высветил слово «плен», а игнорировать это Виктор не мог. Особенно он.

Родина ни с кем не воюет. Ни с кем не держит вражду. Под этим кредо вышестоящие чины могут улыбаться в лица друг другу и пожимать руки, пока всю правду на плечах держат *они*. Такие люди, как Виктор. Первое, чему *их* выучили, – за спиной никого нет, не было, и быть не могло. *Они* действуют сами по себе, ни перед кем не отчитываются, но даже так, предательство остаётся предательством. Даже если предавать, вроде как, и некого. Инструктор Виктора сказал бы, что дело не в силах или людях, к которым *их* приписывают недалёкие люди. Дело в идее. Идее о том, как сделать мир лучше, попирая свободу других и приводя к вынужденным жертвам. Такого Родина, конечно, не примет, а потому *они* сами по себе. Кто скажет обратное глуп, или того хуже – предатель идеалов. Эти установки мужчине вбили давно и основательно. Мало что могло изменить это положение. Но такие вещи есть.

Самое худшее, говорили *им*, это плен. Если тебя сломили, преданность твоя под большим сомнением. Идея не любит тех, кто проговаривается. Виктор видел записи, учился по ним не продавать идею. Но кто не будет верить, что с ним этого никогда не произойдёт? Пришла пора ему поверить, что именно это и случилось и стоило вспомнить те записи.

Глаза его привыкли к тьме, и под руками выступили подлокотники кресла. Следом возникло ощущение дубленой кожи на коже настоящей. Вспомнилось позабытое трение скрывающего ремня. Ощущения приходили одно за другим: давящее на лопатки жёсткое дерево, дыра в сиденье и трущиеся в ней ягодицы, обнажённая кожа, и сморщившиеся под сквозняком чресла. Беспомощность и ограниченность, что встречают нас в младенчестве, и которые мы желаем избежать в старости. Или при таких исключительных случаях, как этот.

Во влажном воздухе разнёсся скрип петель, и тело обдало далёкими холодами зимнего дня. Повторный скрип отрезал снежный мир за пределами помещения, а в жёлтом свете светильников появилась фигура. Не мешкая у входа, посетитель разделся немного в стороне. Виктору не надо было даже поворачивать головы, чтобы увидеть явившуюся на свет девичью фигуру. Мужское пальто осталось на крючке за её спиной, пока гостя – нет, хозяйка – осматривала пленника с расстояния в пару метров. Под оценивающим взглядом ему хотелось прикрыться, но естественный импульс погасили ремни на ногах. Говоря наперёд, их ожидали и более близкие отношения, в которых не место стеснению. Мужчине пришлось признать наготу как своего соратника. Приняв как можно более непринуждённую позу, он выставил себя напоказ ещё больше, словно животное в сезон спаривания. Подействовало или нет, но девушка отвернулась.

Со стороны его слепой зоны новая знакомая привезла низкий металлический столик. Поверхность его покрывала оранжевая в свете фонарей ржавчина, но поверх неё лежала чистая белая ткань. На ней, в свою очередь, выстроились в ряд противники. Угрожающе скалились щипцы, тиски готовы были в момент схватить нос Виктора, а электрическая дубинка торчащими штырями на конце целилась ему прямо в глаза. Но под всем этим стояла канистра с водой. Отчего-то мужчине казалось, что эта вода не предназначена для питья. И наличие белой тряпки в таком случае приобретало иной смысл.

Девушка подтащила хлипкий стул и села напротив. Резкий скрип ножек раздался в полной тишине. Казалось, оба удивились внезапному шуму, но Виктор воспользовался моментом, чтобы рассмотреть девушку.

Она была из тех, что умеют выделяться, когда хотят быть замеченными, и теряться в толпе в одно мгновение. Мужчина даже не знал, что именно сказало ему об этом, но собственный опыт давал знать. Хорошо для своей профессии его похитительница вышла средним ростом, простым лицом, каштановыми волосами и карими глазами, распространёнными на всех континентах. Впрочем, стоило отдать ей должное, выглядела она аккуратно и элегантно даже в мужском пальто

Девушка подалась вперёд.

– Мария.

Зазвучал её голос. Он был таким же простым и незапоминающимся, каким и должен быть. Даже в кошмарах Виктору не вспомнился бы звук её речи.

– Представиться в ответ было бы проявлением манер, вам не кажется?

Виктору не казалось, что это играет роль в данной ситуации. Впрочем, он не был известен за плохие манеры, просто иногда ему не хотелось говорить. В такие моменты язык его становился словно выброшенный на берег кит, а челюсти как заржавевшие двери питейного заведения на углу его дома. Не за плохие манеры, а за это мужчина был известен. Конечно, в его профессии это никого не раздражало. Из тех, кто был на его стороне.

– Я думаю, мы начали не с той ноты. Позвольте представиться ещё раз. Я Мария, приехала в эти места недавно. Не успела ещё освоиться тут, мало что знаю, поэтому очень хотела бы обратиться к вам за помощью. Конечно, лучше было бы сделать это в других условиях, но так сложились обстоятельства. Прощу меня простить.

Такую прекрасную молодую леди за манеры точно не ругают. Если бы не инструменты под её рукой, Виктор мог бы даже подумать о том, чтобы клонуть.

– Не обращайтесь на них внимания, это всего лишь для успокоения.

Мария дотронулась до ткани, поправила щипцы.

– Молодой девушке, знаете, трудно в чужой стране одной да без защиты. На самом деле, я бы хотела обойтись без этого.

Мужчина знал, что это враньё. Дознавателей не выбирают наобум из толпы, на них не висят ярлыки. Их узнают в деле, как любого, кто занимается не профессией, а призванием. Такие всегда хотят применять в работе всё, что знают, а когда всё кончено, расстраиваются, что слишком быстро.

– Поможете мне, м?

Вот опять Виктор почувствовал привычное ощущение. Мышцы челюсти напряглись, словно стальные тросы, а язык разбух как морской огурец. Теперь, даже если бы мужчина захотел, сказать что-либо было бы трудной задачей. Расстраиваться, впрочем, он не собирался.

– Кажется, мне не везёт сегодня на собеседника. Я рассчитывала быстро закончить и разойтись, как в море корабли.

Снова ложь. Виктор по речи знал, откуда она, а также мог узнать, где находится это место, если бы вышел, и даже знал имя, очевидно поддельное. Даже с таким минимумом на свободу не отпускают. Если Мария профессионал, как Виктор, не отпустила бы и с меньшим.

Разговоры закончились. Выждав пару минут в окружении гудящей тишины, девушка сдвинулась со своего места. Подобравшись к столу, Мария обвела его внимательным взглядом. Она осматривала ассортимент с широко открытыми глазами, что создавало впечатление, что видит его в первый раз. Мужчина в это время пытался отследить направление её взгляда, чтобы знать, что ждёт его первым.

II

Тонкая рука задумчиво потянулась к тискам, два отверстия которых готовы были принять в гости большие пальцы. Это поставило Марию перед вопросом безопасности и прагматичности: попытаться свести руки мужчины вместе или братья по руке за один раз. Тонкости мышления девушки перед ним Виктор не знал, но очередную паузу использовал для штурма памяти. В голове зашевелились черви мыслей, ухватились за ассоциации, а те привели к столу воспоминания.

Вот старый погреб под шумным баром, что *они* использовали для своих собраний. Внешний мир был отрезан от них потолком и толпой, заливающей события дня алкоголем. Также, как и спиртовыми испарениями, повисшими над и между ними. Здесь *они* обменивались сводками, контактами и своими успехами, периодически устраивая образовательные сессии, сидя под дулом старого проектора. Крутились ленты разного толка, но сейчас Виктор отчётливо видел в полупрозрачном мареве воспоминания людей. Они были похожи на него, сидели как он, думали как он, боялись как он. Говорили так, как он никогда не говорил. Мужчина помнил, какие инструменты использовались, как они применялись, и чувствовал тусклое омрачённое облегчение. Ему враги попались не самые плохие, даже заурядные.

Но это всё ещё испытание. Как долго ему придётся ждать, заключённый не знал, как и количество боли, что он будет принуждён вынести. Что он собирается делать? Будет ли он терпеть в ожидании *них*? Придут ли *они* за ним или отдадут на съедение волкам? Есть ли в этом смысл? А может и вовсе...

Остановись. Идея наблюдает и в мыслях.

Мария закончила приготовления. Остановилась она на безопасном варианте.

Когда девушка приблизилась к левой пятерне, Виктор согнул пальцы в, казалось, самонадеянной попытке спрятать их. На деле он хотел проявить формальное сопротивление. Сидисты любят сопротивление, становясь невыносимее, когда жертвы ничего не делают. Он помнил разговоры некоторых из *них*, с которыми судьба благоволила ему не встречаться часто. С ними он сопротивлялся бы отчаяннее, только бы оттянуть настоящее зверство. Усердствовать, правда, он не собирался. Ломать пальцы, пытаясь разогнуть их, таким нравится не больше пассивности.

Мария взялась за пальцы с энтузиазмом, но с известной девичьей хваткой. На миг мужчину озарило предчувствие, что сопротивление окажется даже слишком успешным, но предательские отростки поддались уже скоро. Только тогда Виктор почувствовал, как ослабел. Сколько времени он здесь? Как давно он не ел, как давно не пил? Сухость во рту вдруг резко вскинула свою голову и перекинулась на потрескавшиеся губы. Язык готов был пройти по засохшим пустошам уст, когда пухлая подушечка пальца под неровным ногтем была сдавлена пластиной металла.

Давление росло с движениями пальцев тонких рук, в отличие от собрата под ними, белых и изящных. Но Виктор смотрел только на то, как его собственный, знакомый ему и родной, большой палец стискивается в маленьком пространстве, растекается вширь, утончаясь. Мужчина в трансе наблюдал, как резко покрасневший палец пошёл белыми пятнами, а край оказался под обстрелом сотен невидимых иголок. Острое ожидание неминуемого сильнее распялось в нём, а девушка вдруг остановилась до того, как последствия могли стать неминуемыми.

— Мне кажется, мы оба знаем, что будет дальше. Давайте в последний раз, хорошо? Пожалуйста, не разочаруйте меня. Как ваше имя?

Голос её затерялся где-то под черепом, не достигнув адресата, настолько невпечатлительным он был для потерянного в ожидании заключённого. Ответа Мария не дождалась.

– Тогда я продолжаю.

После мучительно долгого затишья винт заскрипел, а пластина поползла вниз. Виктор сумел отвести взгляд перед тем, как боль превратилась в главное наполнение его сознания.

III

В этот раз челюсти недолго сопротивлялись напору воздуха из лёгких. Их движение началось со скрипа зубов за плотно сжатыми губами, продолжилось шипением, когда челюсти открылись, и через секунды взорвалось стоном. Свободные пальцы впились в подлокотники, грозясь отломать ногти. Кровь в венах и собственные стоны, переходящие в крики, заглушили другие звуки. Несмотря на прохладу подвала, Виктора бросило в жар, а бледная кожа шеи и лица окрасилась в поросячий розовый. Девушка перед ним отражала его состояние. Щёки её зарумянились, а губы были прикушены, и будь у мужчины интерес понаблюдать за ней, он бы не удивился её удовольствию.

Виктора в этот тяжёлый миг заботила его некомпетентность. Закричать, да так скоро! Он совсем не мог сдержать себя! Откуда в нём появилась уверенность, что он будет лучше тех, на записях? Боль поставила его на место, и теперь заключённый затравленно искал способ вытравить её из себя, вернуть контроль над собственным телом. В попытках зацепиться за любую нить в его памяти, рыскающие щупальца ассоциаций вдруг наткнулись на биение крови и белый шум в его ушах. Сквозь вату забытья, проступили очертания знакомого места. Осознав, что всё это время просидел с закрытыми глазами, Виктор по наитию широко распахнул их. Сквозь туман слёз, он охватил разом девушку перед ним, жёлтый свет за ней, тусклые стены и потолок, и собрал в единую картину вместе с болью и гудением в собственной голове. Прорвав давнюю завесу, мужчина очутился на другом конце временного отрезка.

В том, которое он старательно забыл. Достаточно, чтобы затерялся сам факт забытья.

Там он увидел её, свою маму. Мать Виктора была женщиной тонкой, с лебединой шеей и запястьями узкими, как спички. Но иногда её крутой нрав плавился в эфир, что заполнял её хрупкие ручки. Тогда они становились тяжёлыми, как её приступы, какие не ожидаешь от её сложения. Мало кто мог похвастаться обладанием этой информации, но Виктор уже в детстве проявлял профессиональные задатки и мог подгадывать ситуации, в которых люди раскрывались по новой. Силу удара своей матери, например, выяснил, почти не тратя усилий.

В их старой квартире, где семья мужчины жила, когда он был совсем маленьким, спальня Виктора находилась напротив родительской. По утрам, когда мать собиралась на работу, сквозняк от открытого в её комнате окна приносил из-под двери острый цветочный запах, оттенённый ароматом чего-то горького. Резкий запах не хотел приедаться мальчику. Он будто назойливый комар витал вокруг, ища момент, когда мальчик высунет свою голову из-под одеяла, чтобы ужалить его в нос. День протекал за днём, и когда Виктор решился выползти из кровати пораньше в тот злополучный день, он увидел свою мать за приоткрытой дверью. Осто-чертевший аромат лился сквозь дверь его комнаты, коридор и дверь напротив, прямоком из бутылочки в руках матери, которую она подносила к своей шее. Больше мальчику гадать не приходилось. Он не знал ни слова «парфюм», ни назначения того, к чему оно применяется. Но одного взгляда на стеклянный флакон в длинных белых пальцах с маслянисто жёлтой водой внутри хватило, чтобы Виктор решил, что оно в их доме появилось по ошибке. Может быть, мама не чувствует запах, может она заболела и ей заложило нос. Или это подарок и ей жалко его выбрасывать, а потому она там много его использует, чтобы мерзкая жидкость кончилась поскорее. Посему выходило, что всё происходящее результат какого-то недоразумения, а значит, Виктор должен помочь его разрешить. В любом случае, неизвестному вредителю в их доме было не место.

Мама возвращалась поздно вечером, и ужины отец с сыном привыкли проводить без неё. Когда тяжёлая отцовская стряпня, наконец, оседала в желудке, дверь в прихожей призывно скрипела, подзывая мальчика, первый раз с самого утра, увидеть мамино лицо. Для Виктора оно, худое и покрытое румянами, оставалось извечной загадкой. Стоило порогу дома скрыться

под дверью, а замку щёлкнуть задвижкой, как выражение её лица неизменно менялось. Резко, но с поразительной плавностью, мышцы губ и глаз её расслаблялись, будто отпуская измученных заложников на волю, а кожа лба наоборот сходилась к переносице, волнами складываясь между бровями.

За дверью квартиры мама была рада любому знакомому, а знакомыми у неё оказывались будто все. Она улыбалась приветливо каждому, кто посмотрит на неё, а особенно счастливо смотрела вслед друзьям с работы, пока они не скроются из виду среди других людей. Такая мама всегда нравилась мальчику, она смотрела на него с неприкрытой нежностью, и он старался отдать ей должное. На прогулке он привык не спускать с неё глаз, то и дело, спотыкаясь и налетая на людей. Из-за этого маме нередко приходилось брать его за руку. Даже если мальчик был слишком взрослый для этого – ему было целых шесть! – он всё равно радовался её мягким рукам, крепко державшим его. Виктор полюбил прогулки по городу благодаря ей. Иначе ему не удалось запечатлеть маму такой тёплой. Заходя за порог, она всегда становилась загадочной.

В тот день мальчик считал, что решил ребус. Как можно быть тёплой и любящей мамой там, где пахнет горькими цветами, так, как иногда пахнет отец после отдыха с друзьями. Даже больше, после целого дня с этим запахом! На шее, на одежде, даже на мягких руках – везде был этот аромат. Может быть и так, что маму стали избегать друзья на работе, и ей некому там больше улыбаться. Этот ужас не должен был продолжаться.

В день величайшей миссии Виктора, отец, сам того не подозревая, очень помог сыну. Несмотря на строжайший запрет оставлять мальчика одного, папа ушёл по делам, буквально на несколько минут, как он сказал. Маленькому Виктору было наказано: не делать ничего запрещённого, плохого, опасного, и вообще лучше ничего, пока не вернётся отец. Мальчик пообещал с чистым сердцем. Ему никогда в голову не приходило делать запрещённого, плохого или опасного. Виктор знал, что его цель похвальна, а в награду он хотел всего лишь мамину улыбку в их квартире, всю ему одному.

Мальчик не знал, сколько это точно, несколько минут, но решил поспешить. Он с шумом распахнул дверь родительской спальни, вжав голову от получившегося шума. Но в ответ на звуки отец не ворвался в квартиру, и Виктор громко выдохнул. Оправившись, он с ещё большим энтузиазмом направился к туалетному столу мамы; теперь ему казалось, что никто не прервёт его, куда он делает как лучше.

Стеклянный вредитель стоял высоко на верхней полке, до которой ещё надо было добраться. Благо, что рядом был стул, с помощью которого мальчик взобрался на стол. Стоя на нём, мальчик видел себя в зеркале. В нём он отразился как никогда большим, со своего положения занимая всё пространство внутри рамы. Расхрабрившись от своей мощи, он решился взобраться к полке по резной раме зеркала. Пускай он всегда боялся высоты и никогда не лазил по крышам, как другие мальчики в его детском саду, но сейчас он точно сможет это сделать. Таким свершением не стыдно будет похвастаться перед друзьями.

Схватившись так высоко, как мог своими руками, и одной ногой встав на вырез в раме, Виктор с трудом подтянул вторую ногу. На данный момент новый опыт приносил только страдание: руки тряслись, а ладони потели как в худший жар летнего дня. Поднимая левую ногу повыше, мальчик стукнулся коленкой об раму и чуть не навернулся, чудом удержавшись за узорные выступы. Хныкая от боли, он извернулся прижать колено к груди и поставить ногу на выступ повыше, а затем провернул это со второй ногой. Виктор проделал этот трюк по новой и оказался на высоте достаточной, чтобы с трудом дотянуться до флакона. Потная рука с трудом отцепилась от рамы. В груди застыл вдох, пока мальчик наблюдал, как она почти коснулась флакона. Приподнявшись на носочки, с грудным возгласом вновь движущегося воздуха, мальчик дрожащими пальцами достиг стеклянных стенок и завладел целью.

Флакон почти выскальзывал из влажных отростков, но мальчик радостно считал, что теперь-то он никуда не денется. Не зная, сколько времени потратил на восхождение, Виктор спешил спуститься. Но стоило ему подумать об этом, как он ощутил страх. Он не мог спуститься с одной занятой рукой. Виктор оказался в западне. Впервые посмотрев вниз, он увидел пропасть между ним и полом, почти как у скалолазов в том фильме по телевизору. Почувствовав себя одним из них, мальчик уже не знал, как собирается спускаться. Тут же он принял решение дождаться отца, который снимет его, но мальчик одёрнул себя. Если родители сами не решились разобраться в этом странном деле, значит, они бессильны против зажатого в руке врага. Значит, когда папа вернётся, он может просто вернуть всё на места: Виктора на землю, а флакон на полку. Тогда всё будет кончено, и мальчику не представится другого шанса.

Собравшись, он осмотрелся вокруг себя. Рядом с туалетным столом находилась кровать, застланная мягким пледом. Это был выход для Виктора, которым он недолго думая воспользовался. Конечно, прыгать он не собирался, – а вдруг он сломает ноги? – но вот бросить флакон казалось правильным шагом. Стекло бутылки прорвала завесу воздуха между рукой мальчика и кроватью, по прямой траектории упав на край пледа. Подумав хорошо, Виктор мог бы побояться, что пробка флакона вылетит, но в тот миг судьба благоволила ему, и жидкость так и осталась в стеклянной ловушке.

Продолжая собирать свой дух в кулак, он начал спуск, грандиозно завершив его без неприятностей. Виктор стремительно спустился по стулу, отодвинул его на место и только тогда понял, как устал, ощутив слабость в собственных конечностях. Вся жидкость его тела будто выступила сквозь кожу, оказавшись снаружи. Горло пересохло, но мальчик не решился отвлекаться на стакан с прохладной водой. Ему ещё следовало завершить начатое.

Виктор подобрал бутылку и направился в свою комнату, готовясь претворить в жизнь последний этап. Прятать флакон он побоялся – вдруг мама найдёт его, когда будет убираться? Она, конечно, оценит усилия, но обязательно вернёт стеклянную гадость на место. Нет, от бутылки надо было избавиться раз и навсегда.

Мальчик однажды видел, как его друг кидает с балкона воздушный шар, наполненный водой. Встретившись с асфальтом, шар взрывался брызгами и ошмётками цветастой резины, оставляя на серой поверхности мокрый размашистый след. Другу куда сильнее нравилось кидать их на соседских собак и слушать их визги, но Виктор решил целиться всё-таки в неподвижный асфальт. Ему казалось, что это грозит большим успехом.

Взобраться на подоконник в комнате было значительно проще, открыть окно слегка сложнее. Справившись со щекоткой, мальчик увидел за окном проезжую часть и спящих по улице людей. Виктор боялся, что кто-нибудь из взрослых увидит его и, несмотря на его чистые помыслы, прогонит его от окна. Так что он очень аккуратно выглянул наружу, ожидая, когда под ним не останется никого. Ему чудились голоса в подъезде, и он чувствовал, что вот-вот появится папа, поэтому шептал людям уходить поскорее. Наконец, его шёпот достиг их ушей, и они благоразумно оставили его одного. Игнорируя комок в горле от взгляда вниз, Виктор вытянул руку с зажатым в ней флаконом. Маслянистая жидкость покачивалась на дне, а свет полуденного солнца подсвечивал её, озаряя стенки бутылки бликами жёлтого и оранжевого. Пальцы, уже давно сухие, скользили по стеклу, пока крышка флакона не достигла их кончиков. Покачавшись, сосуд сорвался, чтобы раздаться звуком разбитого стекла в нескольких метрах под окном.

На результат своих трудов Виктор не смотрел. Он поспешил вернуть руку внутрь, закрыть окно и спрятаться под подоконником, чтобы случайно кто-нибудь не заметил его за стеклом. Сердце гудело от завершения миссии и совершения доброго дела.

Отец застал его там же, уткнувшегося в колени под окном. На вопросы мальчик отвечал отрицательно: ничего не болит, один не боялся, ничего не сделал. Папа удовлетворился кратким опросом, и сердце Виктора окончательно успокоилось. В груди томилось только сладост-

ное ожидание вечера и скрипа входной двери. Маленький герой понимал, что пропажу мама обнаружит утром, и уже планировал как встанет спозаранку, но всё равно надеялся, что каким-то чудом она прознает пораньше.

Небеса в тот день прислушивались ко всем мольбам мальчика.

Остаток дня и ужин Виктор провёл в приподнятом настроении и даже вызвался помочь с мытьём посуды. Папа рвение оценил и наградил конфетой, с обещанием не рассказывать маме, что он сегодня делал. Мальчик пообещал, сделав вид, что застегнул рот.

Несколько минут отделили это обещание от знакового звука открывшейся двери. Ноги понесли Виктора в прихожую как обычно, и оказался он там прямо перед тем, как обутые в туфли ноги переступили порог. Что обычным не было, так это мамино лицо. Впервые на его недолгой памяти случилось то, чего мальчик так желал, и выражение на её лице осталось таким же, после того, как мама переступила порог. И впервые же он видел, чтобы загадочное выражение было у неё снаружи квартиры.

Мать разделась стремительно. Сбросила на вешалку пальто, что почти свалилось с неё, и, отбивая строгий ритм, не разуваясь, направилась в спальню. На Виктора она бросила лишь один взгляд: Взгляд. Мальчик отступил в свою комнату по наитию, чувствуя холод на коротко стриженном затылке. Не имея представления, куда себя деть, он подошёл к окну. Открыл его и, будто желая удостовериться, что всё получилось, быстро взглянул на раскинувшийся внизу асфальт. Даже не зная, как всё выглядело изначально, Виктор был уверен, что за несколько часов не изменилось ровным счётом ничего. Осколки стекла и пробка так и остались лежать внизу, не тронутые никем. Но что казалось мальчику странным, так это запах. Слабый, но неприятно знакомый запах доходил до его маленького носа. Не сумевший полностью выветриться даже под открытым небом, стойкий запах убитого противника продолжал досаждать победителю.

Из спальни через коридор доносились голоса. Громкость повышалась с прохождением секунд, но не прошло и пары минут, как до Виктора донеслись шаги. Отчётливый цокот направлялся к нему, и мальчик гадал, что так расстроило маму.

Дверь распахнулась и ударилась о стену. Виктор отпрянул и ударился о подоконник. Мамино лицо приближалось и сквозь румяна горело красным, будто по нему тоже пришёлся удар. Вплотную подобравшись к мальчику, женщина схватила его за руку. Мягкие и нежные ладони сомкнулись на нём как клешни, а кожу опалило как после крапивы, той, что растёт возле складов, и которой называют мальчишки скручивание кожи на предплечье. Только неприятное ощущение в этот раз было в стократ хуже, и мама не собиралась отпускать руку Виктора скоро.

– Кто это сделал?!

Её голос не был похож на то нежное воркование, что мальчик привык слышать на улице. Не был он похож даже на ту тихую трель, какой она говорит по вечерам, заставляя Виктора внимательно прислушиваться. Этот голос был режущим, он пенопластом прошёлся по ушам и оставил неприятное послевкусие.

– Отвечай, кто это сделал?! Кто разрешил?!

Мать трясла мальчика, как флаг трясёт на флагштоке порывом ветра; он не мог устоять на ногах и мог только безуспешно вырываться. Где-то позади отец старался образумить женщину словами, а потом и вовсе стал вырывать мальчонку из её рук. Виктор не мог понять, почему мама злится, кто расстроил её, и почему он не получил в этот прекрасный день то, чего хотел. Всё обернулось кошмаром, а в голове у ребёнка появилась мысль, что мама злится за украденный и разбитый им флакон.

Нет, он не крал! Он вовсе не делал ничего плохого! Он делал как лучше!

Заметив отца, что пытался остановить маму, Виктор догадался – дело не в нём, наверное, это папа что-то сделал. Может потому, что он ел конфеты, которые ему нельзя? Но он обещал молчать об этом!

Мальчик сжал губы как можно сильнее и зажмурил глаза, чтобы не расплакаться. Мать, даже под давлением отца не отпустившая ребёнка, распалялась только сильнее. Она кричала что-то про духи, про дедушку и бабушку, память и прочие вещи, которые Виктор не понимал.

В следующий момент он уже не мог слышать, что мама кричит ему. Рука неожиданно стала свободна, а правое ухо вдруг озарила горячая вспышка боли, пронёсшаяся сквозь его голову. Раздался глухой звон и мальчик оказался на полу, а глаза его и рот распахнулись. Виктор не мог контролировать себя, рот искривился сам собой и из него понёсся вой, пока глаза застилала слёзы. Удары стали прилетать по всему телу, будто стараясь прервать поток его излиний, прекратившись довольно скоро.

Там, лёжа на полу и чувствуя себя очень плохо, маленький Виктор больше не чувствовал радости от того, что сумел сдержать обещание.

IV

Скоро вой исчерпался, а слёзы уже не так мешали смотреть. Мужчина огляделся вокруг и увидел знакомую обстановку бедно оснащённого подвала. Тот же тусклый свет, стол и та же девушка, в этот раз смотрящая на него по-другому. С выражением.

– Слава богу, прекратил.

Очнувшись, она закрыла рот и подошла к столу. Взятые за край окровавленные тиски очутились на нём, а Мария с опаской села на стул и заговорила.

– Зачем вам терпеть это? Ведь этого всего можно избежать, можно ведь обойтись без боли и насилия. Я всего лишь прошу поговорить со мной.

Тон её был таким непривычным, с мольбой и надеждой на кончике языка, что брови Виктора сами собой поспешили наверх. Ему казалось, что её стиль игры в покер это не показывать эмоции и оставаться нечитае­мой, но в этот миг она показала актёрское мастерство, от которого мужчине стало завидно. На жалкую долю мгновения он даже попался в этот обман, а такое не нравилось его профессиональной гордости.

Слегка в раздражении, но в большей части из безразличия к её словам, Виктор игнорировал девушку и рассматривал свои пальцы. То, что появилось на их месте. Розовато-красное месиво с пропажей в виде ногтей; отставленные в отдалении щипцы действительно имели бурые подтёки. Отметив их краем глаза, мужчина ещё раз убедился, что пострадали оба больших пальца. По всему выходило, что его приступ занял достаточно много времени, оставив его наслаждаться только остатками боли. Следовало понять, будет ли Мария продолжать с пальцами ног, и сможет ли заключённый избежать новой боли.

– Вы думаете, за вами придут? Пожалуйста, посмотрите правде в глаза. *Они* никогда не приходят.

Мария судорожно поправила рукава вязаной кофты, через секунду вновь устанавливая зрительный контакт с мужчиной.

– Родине плевать на вас. Для неё вы уже не существуете.

Она не права. Для Родины его никогда не существовало. *Их* никогда не существует.

– Но это лишь значит, что вы свободны от них. Вы можете просто уйти, куда только захотите. Помогите мне, а я помогу вам сделать это, помогу вам открыть дорогу куда угодно.

Виктор понимал, о чём говорит девушка. А также, о чём она молчит. Единственный путь наружу, не ведущий к казни собственными людьми, отправиться к ней, к её Отечеству. Там он, возможно, смог бы остаться в живых, но стал бы кем угодно, но не свободным человеком. И всё равно окончил бы в руках таких, как она, работников Отечества. Впрочем, это девушка должна была отрицать. Виктор бы отрицал. А с этого места становилось понятно, что выбор был не лучший. Конечно, предавать ему было некого, но идея внимательно следила за ним, и он предпочёл бы не сердить её сомнениями.

Видя, что мужчина на её слова не отвечает, Мария глубоко вдохнула и уставилась на канистру. Подходило время главного блюда. Виктор будто со стороны почувствовал, как участилось дыхание; осознавший следующее бедствие мозг пытался вдоволь насытиться кислородом.

Девушка медленно открыла крышку канистры, но тряпку со стола сдёрнула чересчур резко. Инструменты задребезжали по столешнице, а Мария задрала Виктору голову, пытаясь положить тряпку на лицо. Мужчина не остался в долгу: вырвался из хватки девушки и сбросил тряпку вниз. Победа была мимолётной и незначительной. Неожиданно из-за спины на лоб опустился ремень, что крепко прижал голову к спинке стула, заставив заключённого выгнуть спину и шею. Оказавшись в незавидном положении, Виктор не мог больше сопротивляться. Покрывшаяся пылью ткань опустилась на лицо, отрезая происходящее от его глаз. Тьма в который

раз оставила его воображению додумывать мерзкие подробности. Мужчина слышал быстрые шаги, кряхтение где-то над ухом и почувствовал холод стали обессиленными пальцами. Звуки копошения продолжались ещё некоторое время, но потом прохлада металла исчезла из зоны руки и проявилась уже морозным адом обрушившейся на тонкую ткань водой.

Будто оказавшись в реке с сильным течением, Виктор ощущал, как вода хлещет почти прямоком в лицо. Отличием от известного ему опыта сплава по быстронесущейся реке была невозможность вдохнуть. Не существовало промежутка, где мужчина мог бы глотнуть хоть каплю воздуха. Тряпка моментально облепила его лицо, став второй кожей, приклеилась к некогда сухим губам, открывшимся в бесплотных потугах, а глаза силились прорвать сплавившиеся с тканью веки. В груди стало до мути пусто, а гортань ходила ходуном, пока крепко закреплённая голова нарушала законы материи и кружилась в хороводе планет. До того, как кислородное голодание отключило сознание Виктора, хоровод отправил его в далёкие закоулки космоса, навстречу новому, что оказывается хорошо забытым старым.

V

Лето в год десятилетия мальчика выдалось сухим и, по заверению любого, самым жарким за последние несколько лет. Для Виктора это был вовсе не повод не выходить на улицу или не заниматься активными играми. Скорее наоборот, он наматывал круги на своём новеньком велосипеде, со сверкающей рамой, голосистым звонком под рукой и выменянной карточкой в спице заднего колеса, проводя так целые дни. Прожарившись до костей, он приходил домой, захватив дозу солнечных лучей, достаточных для солнечного же удара, но каким-то образом умудрившимся его избежать. Возвращался он поздно, не покидая дом только на выходных, которые неизменно проходили в семейном кругу. Так ему казалось по началу.

Через пару недель после установленного мамой правила, по которому мальчик практически находил себя запертым в четырёх стенах по выходным, в квартиру стали приходить гости. Видеть кого-то другого в их доме, кого-то чужого, было странно для Виктора. Но мама сказала, что это нормально, что так принято во всех хороших семьях. Мальчик задавался вопросом, почему тогда они не ходят кому-нибудь в гости. Например, в гости к одному из его друзей. Тогда Виктору не нужно было бы сидеть со скучными взрослыми с их скучными разговорами или играть с их скучными детьми. Нет, иногда встречался кто-нибудь нормальный, кто умел играть с солдатиками, придумывать истории и любил шпионские рассказы. Но такие встречались редко, а показавшись в первый раз, так и не появлялись во второй.

Поэтому, после выходных прокатиться на велосипеде было особенно приятно. Будто выдавливая из себя события предыдущего дня, мальчик рвался навстречу ветру, пуская педали в бесконечный вихрь. А с ними от головокружительной скорости кружилась голова Виктора, пока ветер жадно играл с его волосами. Такие дни не хотелось заканчивать, оставлять позади солнце, дорогу, бриз на лице и свободу. И идея одного бесконечного летнего дня становилась привлекательнее от раза к разу.

Вместо этого единственным, что длилось бесконечно, оставались выходные, как тот, что стал последним, на который Виктор жаловался. Мама засуетилась, оббегала кухню на несколько раз: от холодильника к столу, к раковине, опять к столу, в зал, вновь к холодильнику и повторить. Отец, в свою очередь, представлял собой монолит или приросший к креслу булыжник. Смотря на него, мальчик думал, что папа уж точно не знает, что такое ветер в волосах, – у него и волос-то нет, – скорость или даже свобода. Расслабленный папа-булыжник совершенно не понимал, что променял на разговоры о цене за бензин, реформе образования и вкусоности котлет в той или иной столовой.

Конечно, мальчик знал и интересные разговоры, как те, в его любимых книжках. Но те разговоры имели смысл, они раскрывали преступника или его сообщников. Разговоры родителей с гостями раскрывали Виктору только то, насколько гости скучные, и мальчик мечтал, чтобы кто-нибудь из них всё-таки оказался преступником. Тогда он мог бы рассказать друзьям интересную историю. Конечно, перед тем, как вновь сесть за руль и отдаться ощущениям.

Дети в этот раз попались особенно скучные. Две девочки, наряженные как на праздник, вовсе не интересовались шпионами, тайнами или будущим. В будущем они собирались только выходить замуж, в настоящем же играли его солдатиками и делали это совершенно неправильно. Вместо того чтобы драться и делать крутые вещи, они разговаривали ими, танцевали и целовались. Вот кто, понял тогда Виктор, становятся чьими-нибудь гостями.

Вечер проходил в такой монотонности, что мальчик стал прислушиваться к взрослым. Со временем это стало приносить плоды. Сквозь множество незнакомых слов и тем, Виктор услышал несколько знакомых упоминаний, когда разговор плавно перетёк на детей. Там, среди всего многообразия приятных слов гостей о нём, – мальчику они даже стали немного нравиться, – и родителей о двух девочках, – с которыми Виктор был вовсе не согласен, – про-

скользнула пара деталей. Оказалось, у гостей был ещё один ребёнок, мальчонка лет десяти, который безобразно вёл себя в последнее время. Он, представьте себе ужас его мамы с папой, не ел, что дают, не ждал там, где ему говорили, и даже общался с теми, с кем ему было запрещено. Виктор поразился, ведь гости описывали его, но тот мальчик оказался с другим именем. Не успел парень выдохнуть, как понял, что имя ему кажется подозрительно знакомым. И точно ведь, у него был друг с таким именем, что разделял его интерес к езде на высоких скоростях. По интересному стечению обстоятельств, он как раз рассказывал недавно, как начал не есть, что дают, уходить оттуда, где сказано было стоять, и общаться с теми, с кем общаться было запрещено, ещё больше, чем обычно.

Поразительное совпадение не оставило Виктора равнодушным. Он стал лучше прислушиваться к разговору, но глупые взрослые вдруг свернули его в другую сторону. Приняв это близко к сердцу, мальчик решил узнать, тот ли это друг, о котором он подумал, во что бы то ни стало.

Сначала, мальчик стал вспоминать всё, что он знает о шпионаже, но оказалось, что он не может украсть информацию. Он не знает, какая ему нужна и есть ли она у гостей. Виктор не мог проследить за ними, поскольку уходить они никуда не собирались, к тому же он подслушал всё, что можно было подслушать. Тогда оставалось вывести разговор на нужную тему. Достаточно было узнать фамилию, и миссию можно было считать успешно выполненной.

Начало не задалось.

– Рассказать про мальчика?

Гости слегка нахмурились, когда Виктор прервал их разговор, но быстро смягчились под его взглядом. Он сказал, что они с их мальчиком, быть может, подружатся, и тогда их ребёнок будет общаться с тем, с кем ему не запрещали, плюс Виктор проследит за всем остальным. Казалось, даже мамин взгляд, которым она наградила мальчика, слегка смягчился, и он понял, что ей понравилось сказанное. Гостья наклонилась к нему и потрепала волосы.

– Конечно, милый, конечно подружитесь. В следующий раз мы обязательно его приведём, и будет вам возможность пообщаться.

Гости обычно не возвращались, так что Виктор не рассчитывал на встречу с их другом в этой квартире. Мальчик уже хотел продолжить, но был остановлен мамой.

– Ты же не оставил девочек одних? Это не красиво, пойди, проведай их.

Виктор не успел даже нахмуриться, потому что понял, что это идея. Неосознанно, но мама помогла ему, поэтому мысленно поблагодарив её, мальчик быстрым шагом направился в комнату.

Там его ждало испытание в лице двух «очаровательных» – Виктор всё ещё был не согласен с родителями – девочек, которые синхронно повернулись к вошедшему в комнату мальчику. Не обращая внимания на внезапную дрожь, он подсел на пол к ним, выдерживая подозрительные взгляды. Не успел он рта раскрыть, как одна из девочек воспользовалась заминкой.

– Ну и что ты здесь делаешь? Ты же сбежал!

Виктор тяжёлым усилием сдержал возглас о том, что это его комната, лишь наградив обеих девочек вымученной улыбкой. Как писали в книге, улыбка обезоруживает женщин. Мальчик не был уверен, обезоружила ли она девочек, потому что они скорее выглядели удивлёнными, но Виктор списал это на то, что они ещё не женщины, а значит эффект не такой сильный.

Недолго думая, он спросил об их брате: кто такой, как выглядит, как зовут. Одна из девочек, что уже успела разозлить мальчика, вздёрнула нос.

– Так тебе и сказали! Зачем тебе знать про этого дурака, чтобы вместе с ним над нами издеваться?!

Виктор дёрнулся от громкости её возгласа, на который мог и сбежаться кто-нибудь. Не помогало ещё и то, что их брат, казалось, не в хороших отношениях с сёстрами. Не то чтобы мальчик не понимал его, но сейчас ему нужно было как-то выкрутиться.

Выпустив на волю обиженное лицо, Виктор не менее громко, опасливо поглядывая на дверь, заявил, что никогда бы такого не сделал. И даже больше, раз их брат такой плохой, что смеет обижать девочек, им срочно нужно сказать ему кто он, чтобы Виктор мог преподать ему урок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.